

DOI: 10.15372/HSS20220203

УДК 392.9(47)"19"

А.А. РУБЛЕВА

## СТАРООБРЯДЦЫ ПРИТОМЬЯ: К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В XX в.

Институт археологии и этнографии СО РАН,  
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

В статье обсуждаются причины сохранения староверами Притомья этнокультурной идентичности в XX в. на фоне размывания культурных границ между разными группами населения в данном регионе. Основным источником являются материалы интервью сельских жителей Притомья, чьи родственники были староверами. Этнографические данные показывают, что в первой половине XX в. сельские старообрядцы еще сохраняли традиционный уклад жизни: соблюдали религиозные запреты, жили большими патриархальными семьями и придерживались предписанного брачного поведения. Сохранение культурной идентичности группы стало возможным благодаря в значительной степени религиозным убеждениям, которые влияли на бытовую и культурную жизнь староверов. Потомки старообрядцев даже при утрате многих основных культурных маркеров группы во второй половине XX в. продолжали сохранять внешнюю идентичность, свой статус «быть кержаком» в условиях смешанного в конфессиональном отношении населения Притомья.

**Ключевые слова:** Притомье, вторая половина XX века, старообрядцы, кержаки, российские переселенцы, идентичность.

A.A. RUBLEVA

## OLD BELIEVERS OF THE PRITOM'YE IN THE XX CENTURY: ON PRESERVING THE ETHNOCULTURAL IDENTITY

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,  
17, Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The ethnographic expeditions took place in Pritom'ye (Chebulinsky, Tyazhinsky, Mariinsky districts of Kemerovo Region) in 2018–2021, where the author managed to work with the descendants of the Old Believers (who called themselves Kerzhaks) retaining a stable cultural identity to this day. The article objective is to identify the stable identity reasons of the Old Believers in the XX century. The main source of research was the story by A. V. Lepshakova, born in 1955, a resident of Prokop'ev village, Tyazhinsky District, Kemerovo Region, whose maternal relatives were Old Believers. Besides, materials collected from informants, whose ancestors were Old Believers as well, were added. The author used the interview method (in-depth interview) and audio recording at the stage of field study. The methodology is based on an ethnocultural approach to understanding identity, where an important marker of the latter is the continuity of the cultural choice of a group united by a common memory, belief, common material and spiritual culture. The study applies descriptive and comparative-historical research method as well.

Old Believers of Prokop'ev village, despite the active processes of the family and social life transformation in the XX century, show the stability of cultural identity. The reason for this was the Old Believer's religious beliefs, which left their mark on the social and family way of life. Kerzhaks did not marry people of another faith, distanced themselves from the outside world (they settled in a separate village, then a separate street), were distinguished by household cleanliness and the long-term preserving a large patriarchal family. The policy of the Soviet leadership (attracting women to social and cultural activities, joint work of the Old Believers and Russian settlers on the collective farm, the younger generation mobility, etc.) led to the loss of cultural markers by the Old Believer's descendants and their mixing with Russian settlers through marriage. However, the descendants of the Old Believers (being such only through one parent) retained their identity under such conditions that should be explained by the prestige of the Old Believer identity in their families.

**Key words:** Pritom'ye, second half of the XX century, Old Believers, Kerzhaks, Russian settlers, identity.

---

Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 22-28-00865 «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности».

---

**Анастасия Анатольевна Рублева** – инженер-исследователь Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4967-6311>.

**Anastasia A. Rubleva** – Research Engineer, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

## ВВЕДЕНИЕ

В 2018–2021 гг. состоялись этнографические экспедиции в Притомье – в Чебулинский, Тяжинский и Мариинский районы Кемеровской области, где удалось поработать с потомками старообрядцев. В ходе интервью информанты также называли старообрядцев кержаками. Как известно, кержаки – это одна из групп старообрядцев, чье происхождение связано с р. Керженец в Нижегородской области. На территории Сибири термин «кержак» применялся более широко – к группам старообрядцев разного происхождения [Фурсова, 2006, с. 433], поэтому далее в тексте термины «кержак», «старовер» и «старообрядец» будут использоваться как синонимы.

Согласно полевым материалам, этнокультурный состав населения Притома является весьма разнообразным. Так, на одной территории в XX в. проживали потомки украинских, белорусских и российских переселенцев; представители старожильского населения Сибири – «чалдоны»; «ясачные» (потомки автохтонного населения Сибири, облагавшиеся налогом – ясаком); мордва, депортированные немцы и др. Этнокультурные группы, в разное время населявшие данный регион, в XX в. активно взаимодействовали друг с другом [Любимова, Рублева, 2019]. Все эти процессы, как показывают этнографические материалы, могли приводить либо к смене идентичности среди различных групп русского населения [Рублева, 2021, с. 831], либо к размытию культурных границ и потере локальной этнокультурной и культурной идентичности. Так, значительная часть информантов, чьи предки были выходцами из различных российских губерний, уже в ходе интервью не могли вспомнить мест выхода своих предков и просто называли себя русскими. Особой группой, которая сегодня выделяется на общем фоне в плане сохранения идентичности, стала группа старообрядцев–кержаков, чьи культурные особенности позволяли им противопоставлять себя остальному населению Притома, а также выделять себя в глазах представителей других этнокультурных групп.

Цель данного исследования – выявить причины устойчивой идентичности кержаков в XX в. Основу принятой нами методологии составляет культурное (или этнокультурное) понимание идентичности. Согласно этому представлению, «культурная идентичность маркирует принадлежность индивида к объединенной общими ценностями и культурными установками группе» и является смыслообразующим стержнем, организующим коллективную идентичность группы. Культурная идентичность утверждается через участие членов группы в общих культурных практиках, которые социально значимы для данной группы. В таком понимании идентичности важным

ее маркером выступает преемственность культурного выбора группы, которая объединена общей памятью, верованиями, общей материальной и духовной культурой. В рамках данного подхода определяющими признаками общности выступают те признаки, которые сама эта группа и выбирает [Семененко, 2017, с. 312]. На стадии полевых сборов использовался метод интервью (глубинного интервью) и аудиофиксация материалов. Кроме того, применялся дескриптивный и сравнительно-исторический методы исследования.

Главным источником в данном исследовании является сообщение жительницы д. Прокопьево Тяжинского района Кемеровской области, Лепшаковой Анны Владимировны (1955 г.р.), чьи родственники по материнской линии были старообрядцами, приехавшими из Прибалтики в начале XX в., а родственники по линии отца – российскими переселенцами. В ходе беседы Анна Владимировна рассказала о трех поколениях своей семьи: 1890-х, 1920-х, 1950-х годов рождения, по линии кержаков. Кроме того, в качестве сравнительных использовались материалы, собранные от информантов, которые в родословной имели староверов.

## ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА

Сибирские старообрядцы, являясь специфической культурной группой, нередко привлекали внимание исследователей. Изучением многообразия групп старообрядцев Сибири, их материальной и духовной жизни занимались такие сибирские исследователи, как П.Е. Бардина, Ф.Ф. Болонев, И.В. Куприянова, В.А. Липинская, Н.С. Мурашева, Л.Р. Фаттахова, Е.Ф. Фурсова, Н.И. Шитова и др. [Старообрядчество, 2011, с. 329–337]. Несмотря на значительное количество работ, вопрос о сохранении идентичности старообрядцев на сибирских полевых материалах является недостаточно изученным. Так, поднимая проблему идентичности староверов и ее сохранения, на основе сибирских этнографических материалов некоторые исследователи делают вывод о связи религиозной и культурной идентичности старообрядцев, что нашло отражение во внешнем виде старообрядцев, религиозных запретах и т.п. [Шитова, 2020, с. 167; Липинская, 1992, с. 217]. Проблему идентичности разных групп старообрядцев, в том числе ранее неизвестных в научном мире сибирских сообществ, а также их взаимоотношений между собой поднимает в своих трудах Е.Ф. Фурсова [1998, с. 494–496]. В контексте сохранения и трансформации культуры и идентичности старообрядцев интерес представляют работы зарубежных авторов [Морис, 1992, с. 17–22; Робсон, 1992, с. 27–33], описывающих группы старообрядцев зарубежья.

## ИСТОРИЯ СТАРОВЕРОВ

## Д. ПРОКОПЬЕВО ТЯЖИНСКОГО РАЙОНА

Старообрядцы д. Прокопьево приехали из Прибалтики в Сибирь в начале XX. В настоящее время не представляется возможным выяснить, к какому точно согласию принадлежала данная группа. Но учитывая, что старообрядцы д. Прокопьево имели свою церковь, можно отнести их к сторонникам поповского согласия. Информант отмечала, что кержаки приехали в Сибирь, спасаясь от раскулачивания, но д. Большая Бобровка, где изначально обосновались старообрядцы, была образована согласно «Списку населенных мест Сибирского края» в 1906 г. Эта дата совпадает с волной переселений староверов из западных губерний России (Белоруссии, Литвы, Латвии) на юг Западной Сибири в 1903–1907 гг. по причине малоземелья [Фурсова, 1998, с. 494].

Кержаки основали д. Бобровку в 12 км от д. Прокопьево, где построили церковь. Позднее в связи с политикой укрупнения колхозов Бобровка в 1950-е гг. была расформирована, и часть кержаков, в том числе дед Анны Владимировны – Иван Сущенко, вместе со всей его семьей, переехали в д. Прокопьево, где жили потомки российских переселенцев. Сумев договориться с председателем совхоза, староверы обустроились обособленно, целой улицей на краю деревни, получившей название по месту их выхода – «Бобровская».

## БЫТ И НРАВЫ КЕРЖАКОВ Д. ПРОКОПЬЕВО

На основе сообщения Анны Владимировны были реконструированы быт и нравы староверов в XX в. Описывая кержаков, информанты всегда отмечают особенности их внешности. По их словам, кержаки носили бороды, обладали высоким ростом – «под два метра». Жительница д. Ключевая Тяжинского района, описывая своего родственника-кержака, отмечала: «У нас дядя был кержак. Всегда с бородой был, никогда не брился». Рослость и крепкое здоровье, как отличительные черты староверов, отмечают и другие исследователи [Болонев, 1998, с. 90].

Главной отличительной особенностью данной группы была их религиозность, приверженность старой вере: «Они соблюдали все каноны». Кержаки крестились двумя перстами, любой праздник, семейный или календарный, сопровождался молитвой, запрещалось употребление алкоголя. Молитва сопровождала приемы пищи староверов. Проживая в Бобровке, кержаки ходили на службу в храм. Грехом в кержацкой среде считалось работать в воскресный день. После закрытия храма дед Анны Владимировны в собственном доме оборудовал моленное место, куда были перенесены иконы из разрушенной кержацкой церкви.

Быт староверов поражал своеобразием. По воспоминаниям Анны Владимировны, кержаки никогда не покупали магазинного хлеба, а пекли его сами. Дома кержаков отличались стерильностью: «У них в доме до такой степени была стерильность! Вот вы знаете, ни одной соринки-пылинки». Дед имел отдельный рукомойник, отдельную кадку с водой, отдельный шкаф с деревянной посудой. Внуки, приходя в дом деда, не смели пользоваться его посудой: «Не дай Бог подойдешь из кадки попьешь, все! Он и кадку выкинет, и ковш выкинет. Вот такой был». Зная эту особенность деда Ивана, Анна Владимировна, будучи ребенком, ради хулиганства специально могла поесть из его тарелки. После чего дед Иван выбрасывал использованную посуду, что вызывало недоумение у его внуков.

Интересной фигурой был дед Иван, который обладал знаниями о народной медицине. Когда во взрослом возрасте заболел его сын Харитон, то Иван вылечил его «молитвами и еловыми ветками». Кроме того, пройдя всю войну и вернувшись домой, Иван не получил ни одного ранения, что было связано, по мнению Анны Владимировны, с тем, что дед «знал много».

Отличия у кержаков фиксируются и в погребальной обрядности. Хоронили кержаки своих родственников только в деревянных, необбитых тканью гробах. Поверх погребальной одежды покойного оборачивали в белый саван, оставляя открытым только лицо. После молитв лицо также закрывали саваном.

Как правило, староверы жили большими патриархальными семьями, объединявшими несколько малых семей. Во главе каждой семьи стоял женатый мужчина. Патриархальные семьи состояли из сыновей с их семьями, которые жили в доме своего отца. Главой семьи был мужчина. Он принимал важные решения относительно членов семьи. Отмечались особенности у староверов и в брачном поведении: браки разрешались только внутри группы старообрядцев. Если же один из будущих супругов принадлежал другой вере, то его должны были перекрестить [Фурсова, 2001, с. 100–101]. Схожую модель семейных взаимоотношений и брачного поведения можно наблюдать у кержаков д. Прокопьево. Так, Иван Сущенко, дед Анны Владимировны, женился на ее бабушке Капитолине, которая также происходила из семьи староверов, приехавших в Сибирь из Пензенской губернии. Как отмечала информант, у пензенских староверов были взгляды «послабее».

Капитолина и Иван поженились уже в Сибири, деду приглянулась девушка, он сам попросил родителей ее сосватать. А поскольку семья деда была зажиточной, то за невесту дали богатый выкуп. Капитолина не хотела выходить замуж за Ивана, но не смогла перечить воле родителей. Позднее, будучи беремен-

ной первым ребенком, Капитолина предприняла попытку вернуться в дом к родителям. Причиной этого, как объяснила информант, стали властные родители мужа и тяжелый физический труд в новой семье: «Они вставали ни свет ни заря. Пока не помолются. Начинили там [работать], скотина, надо. А жили-то большой семьей... Приходилось работать за троих. Вот она [Капитолина] говорит: “Я была беременная. А приходилось работать, как лошадь. Пахала”. Но и они [остальные домочадцы] не сидели. Они тоже все работали. Но вот она уставала». Но родители Капитолины не приняли дочь и вернули ее в новую семью. У Капитолины и Ивана родилось восемь детей, из которых до взрослого возраста дожили только пятеро. Авторитетом в семье был муж и отец, он распоряжался имуществом семьи. В рассказах Анны Владимировны дед Иван предстает честным, спокойным и трудолюбивым человеком: «Относился к нам [внукам] с уважением». Но при этом информант отмечает властный характер деда.

В жизни старообрядческой общины д. Прокопьево мужчина также занимал главную роль. Положение мужчин и женщин в общине кержаков можно реконструировать по нескольким эпизодам. После закрытия храма в Бобровке в доме деда Ивана, как уже было сказано выше, была оборудована отдельная комната для молитв, здесь висели храмовые иконы. На молитву в дом деда приходили только мужчины-староверы. Даже жена деда Ивана, хозяйка дома, уходила в другую комнату вместе с внуками и в молитве не участвовала, хотя в храм, когда он функционировал, женщины и девушки ходили на службы; «Там [в доме деда Ивана] еще одна комнатка. И там этих икон очень-очень много было... И вот вечером...мы всегда там [в доме деда] находились. И вот к ним приходили староверы все, когда церковь разобрали... И к ним приходили деды... Ни одной бабушки не было. Крестились, молились, поклоны клали». Причем и в праздники, и во всей бытовой жизни кержаков, на передний план выступают мужчины: «Там жили, кержаки были. Они тоже деды... Степан, Андрей, Трофим, Тимофей. Они никогда не ругались... Их все в деревне уважали. Им всегда места уступали». Из женского состава типичной кержачкой в рассказе Анны Владимировны выступает только «тетя Шура»: она «тоже была коренная кержачка. Это был человек что-то! ... до такой степени была кержачка!».

#### **ВЗАИМООТНОШЕНИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ («КЕРЖАКОВ») И РОССИЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ («ХРИСТИАН»)**

Более ярко проблема идентичности староверов Притомья раскрывается в контексте взаимоотношений кержаков и их соседей – российских переселенцев. Анна Владимировна вспоминала, что старообрядцы называли российских переселенцев «хохлами»

или «христианами». «Хохлами» на территории Сибири могли называть, как правило, южнорусских, украинских и белорусских переселенцев [Фурсова, 2006, с. 430–437]. Обозначение старообрядцами российских переселенцев как «христиан» было вызвано, скорее всего, религиозными различиями между представителями этих двух групп, хотя и те, и другие были приверженцами христианства. Как уже отмечалось, изначально кержаки поселились отдельно, обосновав д. Большая Бобровка, рядом с д. Прокопьево, которая, согласно «Списку населенных мест Сибирского края» [Новосибирск, 1929, т. 2, с. 300] образовалась в 1836 г. Следовательно, «христиане» пришли в Сибирь раньше, чем сюда переселились староверы. В 1950-е гг. в связи с политикой укрупнения часть староверов была вынуждена переехать в Прокопьево. Но и там кержаки обосновались обособленно. Староверы, как свидетельствует Анна Владимировна, проявляли снисходительное отношение к «хохлам». Они неодобрительно относились к праздникам «хохлов», так как тогда они, по мнению старообрядцев, много пили. Запрещались браки между староверами и переселенцами. Кержаки не хоронили своих умерших единоверцев рядом с «христианами», требовали от своих детей, чтобы те хоронили их на отдельном кладбище.

#### **ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ КЕРЖАКОВ ПРИТОМЬЯ**

Специалисты отмечают, что в XX в. в культуре и быту различных староверческих групп происходили изменения. Так, Ф.Ф. Болонев, говоря о трансформации культурной и хозяйственной жизни староверов Алтая и Забайкалья, подчеркивал ослабление замкнутости групп, а иногда и их сближение с аборигенным населением, что проявлялось в смешанных браках староверов с бурятами, татарами, казахами и др. [1998, с. 92]. Т.И. Дронова, описывая жизнь старообрядческой группы Республики Коми (с. Усть-Цильма), отмечает, что в XX в. с укреплением советской власти сельские девушки и женщины в среде староверов начинают вовлекаться в общественное производство, работают наравне с мужчинами. Уже в 1930-е гг. девушки сами принимают решение о своем замужестве, нередко вопреки воле родителей [Дронова, 2019, с. 162]. Постепенно начинает исчезать большая патриархальная семья [Там же, с. 172].

Трансформация традиционного уклада жизни кержаков д. Прокопьево ярко прослеживается на втором поколении староверов, описанных Анной Владимировной. Представителями второго поколения выступают дети Ивана и Капитолины – четыре дочери и сын Харитон, 1910–1920-х годов рождения. Харитон до 30 лет не мог найти себе невесту. Уходя на фронт в 1941 г., он попросил родителей найти ему к моменту

возвращения с войны хорошую невесту-кержачку. Харитона под Херсоном подбили на танке. В семье остались дочери – Августина, Устинья, Соломонида (мать Анны Владимировны) и Анастасия. Если Харитон просил отца найти ему невесту-кержачку, то дочери вышли замуж за «хохлов», т.е. нестарообрядцев, тем самым нарушив традиционную модель брачного поведения кержаков. Старшую дочь отец долго не мог выдать замуж. Причиной этого, как считает Анна Владимировна, была «схожесть» сложных характеров отца и дочери. Касаясь брака своих родителей – Соломонида и Владимира, информант сообщает, что Соломонида вышла замуж тайком, поскольку браки между «христианами» и староверами были под запретом: «Мать моя кержачка, а отец христианин. Им не разрешалось, но они украдкой [поженились]».

Так Соломонида, несмотря на протест отца, сама выбрала себе мужа, тогда как ее мать, Капитолина, не смогла противиться воле родителей. Более того, именно властная Соломонида была безусловным авторитетом в своей семье. Анна Владимировна отмечала: «Отца я любила, а мать боялась». Если дочери не выполняли ее поручений, то за этим следовало наказание. Наказывала Соломонида и собственного мужа: если заставляла мужа на празднике «хохлов» в состоянии опьянения, могла применять к нему и физическую силу.

В общественной жизни кержаков, большую активность начала проявлять молодежь. Так, дочери Ивана, став взрослыми девушками, хотели уехать в город из деревни, но последовал запрет со стороны отца. Тогда старшая дочь «...нарядилась и уехала в город». Однажды приехав в деревню, она вывела деда Ивана из себя, так как была по-городскому «расфуфыренная». Не последнюю роль в процессе трансформации общественной жизни сыграло совместное проживание российских переселенцев и староверов, которые были вынуждены работать в одном совхозе. Жительница д. Прокопьево, являясь потомком российских переселенцев «христиан», уже не наблюдала различий в бытовой жизни кержаков и российских переселенцев: «Мы уже стали при работе, вот мой как возраст. Они [кержаки] пожилого возраста. Мы все вместе с одного бочка, с одной фляги, с одной трубочки пили, как раньше. Мы косим, возчик к нам водичку подвозит» (Егорова Вера Николаевна, 1936 г.р.). Как и староверы д. Усть-Цильмы, женщины-кержачки д. Прокопьево привлекались к совхозным работам. Соломонида, не сумев уехать в город, занимала активную позицию в совхозе. Она была телятницей, ее боялись даже мужчины-управляющие (в том числе кержаки). Женщина строго следила за тем, что мужчины выполняли свои обязанности. И могла «оттаскать» их за шиворот, если работники совхоза не выполняли работу в срок.

Тем не менее староверы 1920-х годов рождения старались сохранять кержацкий образ жизни – соблюдали посты, праздновали религиозные праздники, не употребляли алкоголь. Они четко идентифицировали себя в качестве кержаков, особенно в оппозиции свои–чужие. Так, Соломонида, выйдя замуж за «хохла», отказывалась вместе с мужем присутствовать на праздниках переселенцев: «Еще с хохлами я не пила!».

В контексте данного исследования наиболее интересным выступает идентичность третьего поколения. Оно представлено детьми Соломонида – нашим информантом и ее сестрой. У Соломонида родились две дочери – Анна и Любовь (1955 и 1956 годов рождения соответственно). Анна Владимировна относилась к кержакам: «У нас у кержаков не пьют. И христиане не любили с кержаками гулять». Но она уже не сохраняла кержацкий образ жизни – ходила на сельские молодежные вечерки. Вместе с остальной деревенской молодежью посещала сельский клуб, где отмечали праздники. Участвовала в самодеятельности, ездила по деревням с концертами. Сестры закончили 9 классов школы в Прокопьево, затем уехали учиться в соседний город – Новокузнецк, к тетке. Сестра Анны Владимировны поступила в педагогический университет, Анна Владимировна работала в городе и училась на вечернем отделении на воспитателя детского сада. Потом она вместе со знакомой девушкой уехала в Вологду, откуда поступил запрос на специалистов их профиля: «Что ж мы, всю жизнь в Сибири живем и нигде не побываем». Там информант познакомилась со своим будущим мужем. У пары родился сын. Затем Анна Владимировна все же вернулась на родину, чтобы присмотреть за матерью, так как та категорически отказывалась уезжать из родной деревни в город. Не придерживаясь староверческого образа жизни, Анна Владимировна причисляет себя к кержакам, хотя отмечает, что взгляды у нее уже не такие «кержацкие»: «Я могу из той же чашки поесть, из той же кружки попить». В контексте выяснения идентичности третьего поколения интерес представляет отношение деда Ивана к представителям этого поколения. Он не разрешал, как уже отмечалось, своим внукам пить с ним из одной кадки, брать его посуду и умываться в его умывальнике. Схожее отношение к своим «нечистокровным» внукам демонстрировали старики (кержаки) из д. Ключевой: «Дед был кержак. С бородой. Кружка отдельно, ложка, все по отдельности. Вот внуки к нему приходят, так он: “Мои вещи не трогать!”. Поел, сполоснул [посуду]». Такое отношение в традиционной староверческой среде старообрядцы демонстрировали в отношении «иноверцев». Староверам запрещалось «соединяться с иноверными в еде, питии и молитве», что укладывается в модель поведения ухода от общения с иноверными

[Дронова, 2019, с. 147]. Таким образом, со стороны деда Ивана, «чистокровного кержака», наблюдается неприятие внуков как представителей своей веры и своего круга.

В связи с этим возникает вопрос об устойчивости идентичности кержаков в условиях не только ассимиляции их с представителями другой религиозной и этнокультурной группой, но и в условиях потери главных маркеров группы, как это можно видеть на примере третьего поколения. В.А. Липинская, анализируя старообрядческие группы Западной Сибири, сделала вывод, что причиной сохранения идентичности староверов стали особенности быта, которые нашли отражение в чашничестве, особом костюме, чистоте и замкнутости быта. Для самих же староверов главной чертой, отличавшей их от других групп, являлись их религиозные убеждения [Липинская, 1992, с. 217]. Этнографические данные о кержаках д. Прокопьево Тяжинского района Кемеровской области подтверждают выводы В.А. Липинской. Главной причиной устойчивости идентичности кержаков в первом и втором поколениях, как было показано выше, стали религиозные убеждения. Закрытость группы проявилась в способе поселения (отдельная деревня, а затем обособленная улица), запрете экзогамных браков, ограничении контактов с носителями другой культуры. Кроме того, группа кержаков обладала другими маркерами, выделяющими их на фоне российских переселенцев: рослость, чистоплотность, отказ от алкоголя, ношение длинной бороды. Но как можно видеть на примере Анны Владимировны, она, не являясь «чистокровной» кержачкой по происхождению и образу жизни, все же подчеркивала свое кержачье происхождение. На наш взгляд, причиной такой самоидентичности могла стать престижность статуса кержака в той среде, где выросла Анна Владимировна. Являясь ребенком представителей двух разных этнокультурных групп, Анна Владимировна с детства наблюдала специфику взаимоотношений кержаков и «христиан». В первую очередь это касалось ее матери Соломониды, демонстрировавшей снисходительно-пренебрежительное отношение к образу жизни «христиан». Однако со стороны «христиан» в отношении к дедам-кержакам прослеживается, по свидетельству информанта, уважение. Особый статус кержаков отмечала еще одна информантка, чья бабушка была кержачкой из д. Ключевой Мариинского района. На вопрос о своем происхождении, она ответила: «Бабушка была кержачка. А по отцу я не кержак. Он [отец] простой мужик был... И муж простой».

Схожая ситуация выбора идентичности (исходя из ее статуса) описана в с. Большая Покровка Тяжинского района Кемеровской области. В ходе интервью информанты отмечали, что в их селе проживали «чалдоны»: «Помню, дядя Сенька всегда ... про чал-

донов рассказывал» (А.Д. Орлова 1962 г.р., с. Большая Покровка Тяжинского района). «Чалдоны в Большепокровке жили. Я чалдонка» (Н.М. Дмитриенко 1958 г.р., д. Малопичугино Тяжинского района). Но согласно данным А.А. Кауфмана, во второй половине XIX в. поселок Большепокровский был населен курскими переселенцами: «поселок состоит исключительно из курян... Главная масса населения пришла в 1888 году; позже – с 1889 по 1892 г. – прибыло еще 13 семей, из которых пять, прибывших в 1889 г., ко времени производства населения осталось непричисленными». Как писал Кауфман, на территории участка заселения новоселы не нашли старожильческих построек, но земли участка были засеяны старожилами, с которыми у переселенцев отношения были «вполне удовлетворительные» [1895, с. 124–125]. Кроме того, как показал сравнительный анализ, жители с. Большая Покровка сохранили курские свадебные традиции [Рублева, 2021, с. 830–831]. Все это может указывать на смену идентичности российских переселенцев в связи с более статусным положением старожилов на территории Сибири [Фурсова, 2006, с. 430].

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показали экспедиционные материалы, староверы-кержаки Притомья, несмотря на активные процессы трансформации их бытовой и культурной жизни, в XX в. сохраняли свою идентичность и сохраняют ее до настоящего времени. Главная причина их устойчивой идентичности связана с их религиозными убеждениями, благодаря которым кержаки противопоставляли себя остальному миру. Религиозные убеждения наложили отпечаток на бытовую, семейную и общественную жизни данной группы – стремление к закрытости группы от внешнего мира, запрет браков с нестарообрядцами, бытовая чистоплотность, сохранение большой патриархальной семьи и т.д. В XX в. происходило постепенное размытие культурных границ между представителями староверов и российскими переселенцами д. Прокопьево, что вызвано политикой советского руководства – привлечение женщин наравне с мужчинами к общественной, производственной и культурной жизни государства, обязательные работы представителей старообрядцев и российских переселенцев в одном совхозе. Но даже эти процессы не повлияли на ослабление культурной идентичности потомков староверов в первом–третьем поколениях. Как показал пример Анны Владимировны, она, являясь потомком кержаков в третьем поколении лишь по одной родственной линии и не придерживаясь кержачьего образа жизни, определяла себя как кержачку, что, на наш взгляд, было обусловлено высоким статусом именно такой идентичности в семье Анны Владимировны.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья. Опыт сравнительной характеристики // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы Междунар. симп. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 85–93.
2. Дронова Т.И. Религиозный канон и народные традиции староверов Усть-Цильмы: формирование, сохранение, эволюция. Сыктывкар: Коми Респ. тип., 2019. 280 с.
3. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, по данным произведенного в 1894 г., по поручению г. томского губернатора, подворного исследования: СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1895. Т. 1. 177 с.
4. Липинская В.А. Об устойчивости малых конфессиональных групп в однонациональной среде (по материалам юга Западной Сибири) // Традиционная и духовная материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1992. С. 213–217.
5. Любимова Г.В., Рублева А.А. Ритуальный сценарий русской сибирской свадьбы: традиции и новации второй половины XX в. (по полевым материалам 2018–2019 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 25. С. 708–713.
6. Моррис Р. Мир молодых старообрядцев в Орегоне // Традиционная и духовная материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1992. С. 17–22.
7. Робсон Р. Культура поморских старообрядцев в Пенсильвании // Традиционная и духовная материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1992. С. 27–33.
8. Рублева А.А. Общее и особенное в свадебных обычаях потомков сибирских старожилов Притомья во второй половине XX века (по материалам полевых исследований 2018–2021 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. 27. С. 827–832.
9. Семенов И.С. Идентичность в социокультурном измерении. Культурная, социокультурная, цивилизационная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. Энцикл. изд. / отв. ред. И.С. Семенов / М.: Изд-во Весь Мир. 2017. С. 312–317.
10. Старообрядчество: история и культура: библиогр. указ. : кн. и ст. на рус. и иностр. яз. (1900–2009) / сост.: Т.Я. Брискам [и др.]. М.: Пашков дом, 2011. 463 с.
11. Фурсова Е.Ф. Белорусские москали или сибирские кержаки: кто они? // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы Междунар. симп. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 494–501.
12. Фурсова Е.Ф. История жизни духовного наставника Р.И. Опарина в рукописном собрании моленной старообрядцев-поморцев // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 2001. М.: Наука, 2002. С. 90–118.
13. Фурсова Е.Ф. Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 427–441.
14. Шитова Н.И. Этнокультурная идентичность русских и ее трансформации по материалам Алтайской духовной миссии (начало XX в.) // Томский журн. лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 2. С. 160–170.

## REFERENCES

1. Bolonev F.F. (1998). Old Believers of Altai and Transbaikalia. Experience of comparative characteristics. *Sibir' v panorame tysyacheletiy: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*. Novosibirsk, vol. 2, pp. 85–93. (In Russ.)
2. Dronova T.I. (2019). Religious canon and folk traditions of the Old Believers of Ust-Tsilma: formation, preservation, evolution. Syktyvkar, Komi Respublikanskaya tipografiya, 280 p. (In Russ.)
3. Kaufman A.A. (1895). The economic situation of the settlers settled on the state lands of the Tomsk province, according to the data of the household study carried out in 1894, on behalf of the Tomsk governor Saint Petersburg, V. Bezobrazova & Co, vol. 1, 177 p. (In Russ.)
4. Lipinskaya V.A. (1992). On the stability of small confessional groups in a one-nation environment (based on materials of South Western Siberia). *Traditsionnaya i dukhovnaya material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki*. Novosibirsk, Nauka, pp. 213–217. (In Russ.)
5. Lyubimova G.V., Rubleva A.A. (2019). Ritual scenario of the Russian Siberian wedding: traditions and innovations of the second half of the XX century (based on field materials 2018–2019). *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, vol. 25, pp. 708–713. (In Russ.)
6. Morris R. (1992). The world of young Old Believers in Oregon. *Traditsionnaya i dukhovnaya material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki*. Novosibirsk, Nauka, pp. 17–22. (In Russ.)
7. Robson R. (1992). Culture of the Pomeranian Old Believers in Pennsylvania. *Traditsionnaya i dukhovnaya material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki*. Novosibirsk, Nauka, pp. 27–33. (In Russ.)
8. Rubleva A.A. (2021). Common and special in the wedding customs of the descendants of Siberian old-timers of the Tom' Region in the second half of the XX century (on field research materials of 2018–2021). *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, vol. 27, pp. 827–832. (In Russ.)
9. Semenenko I.S. (2017). Identity in the socio-cultural dimension. Cultural, socio-cultural, civilizational identity. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika*. Moscow, pp. 312–317. (In Russ.)
10. Briskam T.Ya. (2011). Old Believers: history and culture. Moscow, 463 p. (In Russ.)
11. Fursova E.F. (1998). Belarusian Muscovites or Siberian Kerzhaks: who are they? *Sibir' v panorame tysyacheletiy: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*. Novosibirsk, vol. 2, pp. 494–501 (In Russ.)
12. Fursova E.F. (2002). The life story of the spiritual mentor R.I. Oparin in the manuscript collection of the prayer of the Old Believers-Pomorians. *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskustvo. Arkheologiya. Ezhegodnik*. Moscow, pp. 90–118 (In Russ.)
13. Fursova E.F. (2006). Ethnographic groups of Eastern Slavs in Western Siberia: typology, identity, intercultural interactions. *Etimologicheskoe vzaimodeystvie v Evrazii*. Moscow, vol. 1, pp. 427–441 (In Russ.)
14. Shitova N.I. (2020). Ethnocultural identity of Russians and its transformations based on the materials of the Altai Spiritual Mission (the early XX century). *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. No 2, pp. 160–170. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.03.2022

Дата рецензирования 30.04.2022

Статья принята к публикации 05.05.2022